

---

**Е.В. Бородина****ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ СУДНЫХ ДЕЛ**

История государственных учреждений является одним из старейших направлений в исторической науке. Данная ситуация не является случайной и обусловлена важной ролью государственных структур в жизни общества. Особую актуальность в связи с этим приобретает изучение организации и функционирования органов правосудия, так как через призму их деятельности можно судить не только о правовой культуре населения, но и политике государства по отношению к своему народонаселению.

За последние десятилетия значительно вырос интерес не только к состоянию современной системы правосудия, но и к ее истории. Наиболее привлекательными для историков и юристов оказываются периоды крупных изменений судебной системы России. Одним из них можно назвать эпоху реформ Петра Великого.

Судебная реформа Петра стала одним из важнейших мероприятий среди его преобразований. Об этом может свидетельствовать большое число исследований по теме, коим уже неоднократно был дан историографический обзор<sup>1</sup>. Тем не менее, нельзя не отметить практически полное отсутствие исследований о низовых звеньях новой судебной иерархии. В качестве исключения можно назвать лишь несколько монументальных сочинений начала прошлого столетия. Это труды М.М. Богословского (в первую очередь – «Областная реформа Петра I. Провинция: 1719–1727 гг.», где дана очень основательная характеристика проведения второй областной реформы первой четверти XVIII в.) и М.Ю. Готье. Перу последнего принадлежат два сочинения по интересующей нас теме: статья «Отделение судебной власти от административной», в которой историк проанализировал проведение судебной реформы Петра, и двухтомная монография «История областного управления России от Петра I до Екатерины II», где основное внимание было обращено на преобразование местного аппарата преемниками первого императора.<sup>2</sup> Оба исследователя опирались на материалы центральных областей страны, мало обращая внимание на специфику урало-сибирского региона.

Данная статья посвящена лишь небольшому эпизоду из истории судоустройства нашей страны, связанному с проведением второго круга административных реформ Петра в 1717–1727 гг. Целью работы являлись реконструкция деятельности одной из уральских судебных канцелярий, созданной в Екатеринбурге. На ее примере автор стремился показать, как функционировала новая судебная система на Среднем Урале.

В качестве источниковой базы исследования использовались делопроизводственные материалы, отложившиеся в фондах Государственного архива Свердловской области, а также опубликованные законодательные акты данного периода. Если законодательство позволяет реконструировать намерения разработчиков реформы, то делопроизводство отражает непосредственную работу государственного учреждения. К сожалению, раннее делопроизводство канцелярии, сохранившееся в фонде «Екатеринбургская контора судных и земских дел» (ГАСО. Ф. 34), представлено лишь ее внутренней документацией – регистрами. Они не позволяют подробно познакомиться с судебной практикой канцелярии, но дают возможность проанализировать ее взаимоотношения с другими государственными учреждениями: Сибирским обер-бергамтом, земскими канцеляриями. Фонд «Уральское горное правление» (ГАСО. Ф. 24), в котором помимо регистров сохранились промемории обоих ведомств, дополняет изыскания в этом направлении.

В одной из предыдущих работ автор уже останавливался на судебных преобразованиях, проходивших на Среднем Урале в конце 1720 – начале 1723 года. Они являлись лишь первой стадией большой реформы, так как последние законодательные акты о существовании ключевых судебных органов в регионах относятся к 1722 году. Указ от 4 апреля 1722 г. упразднил должности городских судей и провинциальные суды, поручив судебные обязанности воеводам с коллегией ассессоров в наиболее крупных городах и судебным комиссарам в наиболее удаленных от провинциального центра местностях<sup>3</sup>. Именно с этого времени начинается отступление от прежней тенденции – разделения судебной и административной власти, по пути к их совмещению на областном уровне. Каким образом данная тенденция проявилась в уральском регионе?

Первые представители ведомства Тобольского надворного суда появились на Урале уже в конце 1721 г., когда в Уктусский дистрикт прибыл Венедикт Томилов – первый дистриктный судья. Почти одновременно на Каменские заводы был назначен судьей Гаврила Черкасов.

Оба судьи продержались на своих местах чуть больше года. 1723 г. стал переломным для новой судебной иерархии Урала. Данная ситуация была обусловлена, в первую очередь, сменой главы горного ведомства, каковым стал В. де Геннин. Именно он сыграл большую роль в организации процессов по обвинению в злоупотреблении должностным положением, возбужденных против обоих судебных комиссаров.

Начав судебное расследование по делам В. Томилова и Г. Черкасова, В. Геннин затребовал от тобольского надворного суда назначения новых судей на подведомственные ему территории<sup>4</sup>. Несмотря на значительные трения между административным центром Сибирской губернии и обер-бергамтом, Тобольский надворный суд откликнулся на просьбу генерал-майора. 20 августа 1723 г. оттуда была прислана промемория, «в которой написано, что о присылке де в судебные камисары одного человека доброго в губернскую канцелярию прсмемория послана»<sup>5</sup>. Так начался процесс подбора кадров на замещение вакансий судебных комиссаров в горнозаводские дистрикты<sup>6</sup>.

16 ноября 1723 г. в Тобольском надворном суде было принято решение отправить судебных комиссаров в оба дистрикта. Судебным комиссаром Уктусского дистрикта предполагалось назначить Дмитрия Карвацкого, а в Каменский дистрикт – Ивана Салманова<sup>7</sup>. Рассматривая данные кандидатуры, Тобольская губернская канцелярия, во главе которой в то время находился бывший судья Тобольского надворного суда князь Семен Козловский, обратила особое внимание на послужной список кандидатов. Первая кандидатура не вызвала никаких споров. Дворянин Дмитрий Карвацкий, по всей видимости, зарекомендовал себя как ответственное лицо, так как на тот момент находился у «щетного дела»<sup>8</sup>. Уже 11 декабря того же года Карвацкий получил в Тобольском надворном суде должностную инструкцию<sup>9</sup>.

Кандидатура тобольского сына боярского Ивана Осиповича Салманова оказалась спорной. Салманов сам обратился в Тобольский надворный суд с просьбой назначить его на какую-нибудь должность, так как «в прошлых де годах по указу Его императорского величества и по грамоте из Сибирского приказа, а в Тобольске по приговору ближнего боярина и воеводы князь Михаила Яковлевича Черкасского служил он в Тобольску з дворяны и з детьми боярскими всякие службы многие годы, а ныне... ни к каким делам не определен, и дабы Его императорского величества указом повелено было от канцелярии надворного суда

у каких дел быть годен, а он де Его императорскому величеству служить с верным радением готов». Данные сведения насторожили работников Тобольской губернской канцелярии. В результате дополнительной проверки послужного списка сына боярского выяснилось, что Салманов с семьей был отправлен в Нерчинск в ссылку еще при князе Гагарине, а в Тобольск вернулся «без указа». Все эти факты привели руководство губернского центра к выводу, что он не годен для замещения должности судебного комиссара Каменского дистрикта<sup>10</sup>. Таким образом, можно отметить тщательность, с которой велась проверка кандидатур на замещение комиссарских вакансий ведомства надворного суда.

Среди документов о назначении судей сведений об утверждении их кандидатур в Сенате или Юстиц-коллегии (о чем сообщают исследователи, занимающиеся проблемами административных реформ и судоустройства петровского времени) не сохранилось. М.М. Богословский, М.О. Акишин, Л.М. Балакирева, работая с законодательством, пришли к выводу, что первоначально городовые судьи определялись к должности ведомством Юстиц-коллегии. С 1722 г. за назначение судей всех уровней – от судебного комиссара до надворного судьи, отвечал Сенат<sup>11</sup>. Последнее подтверждается указами «О должности Сената» от 27 апреля 1722 г. и 17 марта 1726 г., которые предписывали «в чины сказывать... в губернии и в провинции – губернаторам, воеводам и комендантам, ассесором, камерирам, рентмейстером и земским и судебным комиссаром»<sup>12</sup>. Таким образом, Сенат оказывался обременен многочисленными назначениями, которые очень затрудняли его повседневную работу. Указом от 22 сентября 1725 года Сенат возложил обязанность подбора кадров на должность судебного комиссара на герольдмейстера. По сенатскому указу от 22 сентября 1725 года герольдмейстер должен был назначать на нее без доклада Сенату<sup>13</sup>.

Вероятнее всего, такая процедура назначения была более характерна для начального этапа становления новой судебной системы. Тогда Юстиц-коллегии требовалось определить городских судей по всей находящейся в состоянии деления на новые административные единицы стране. В ситуации отдаленности от центральных учреждений и хронической необеспеченности кадрами, прерогатива назначения новых судей, вероятно, была отдана сибирскому губернатору,<sup>14</sup> а затем – Тобольскому надворному суду<sup>15</sup>.

Как уже было отмечено выше, в отличие от первых судей, посланных на Урал из Тобольского надворного суда, Д. Карвацкий был сразу же снабжен должностной инструкцией. Данная ситуация не удивительна: к этому времени суд уже смог наладить работу всех своих подразделений, получил собственную инструкцию для ведения дел<sup>16</sup> и был полностью укомплектован. У автора не вызывает сомнений тезис о важности данного документа. Об этом свидетельствуют и оставленные на нем автографы всего присутствия надворного суда<sup>17</sup>.

В первом же абзаце документа оговаривались категории населения, исключенные из сферы влияния комиссара: посадские люди, архиерейские и монастырские служители и крестьяне – и указывалось на необходимость руководствоваться в своей работе «Его императорского величества указами». Следующий пункт инструкции сообщал о том круге документов и дел, которые должен был получить Карвацкий у временно исполняющего обязанности главы судебной канцелярии старого подъячего Петра Юрьева: копии Соборного Уложения, «новосостоявшихся» указов, указов Юстиц-коллегии; «по записным приходным и расходным книгам денежную казну и мяхкую рухлядь»; сами приходные и расходные книги; «невершенные и нерешенные дела и по делам колодников». Комиссару предписывалось создать опись всего полученного и отправить ее в Тобольский надворный суд. Далее по пунктам излагались обязанности судебного комиссара.

Естественно, в первую очередь комиссару предписывалось «в разбойных, татинных и в убивственных и в других злодейских делах приводных людей расспрашивать и розыскивать» в соответствии с указом от 4 апреля 1722 г. Обо всех разобранных делах требовалось предоставлять месячные, квартальные и годовые отчеты в Тобольский надворный суд. Второй важной обязанностью комиссара являлся надзор за нотариальной деятельностью, по которой под его контролем составлялись отдельные ежемесячные отчеты. По обоим видам работ комиссар нес финансовую ответственность, так как надворный суд требовал предоставления ведомостей о сборе пошлин с судебных и крепостных дел.

Помимо вышеназванных форм отчетности Карвацкому предписывалось «зделать статейные списки всякого чина колодником, с которого году и где и кто и каких Его императорского величества делах именно был, кто умер, кто бежал». Кроме того, он должен был «сочинять» ве-

домости о выморочных землях и прочей недвижимой собственности, в которых требовалось указать размер собранных с них пошлин.

Так как судебный комиссар являлся единственным представителем судебного ведомства, на его плечи была возложена обязанность оглашения еще неизвестных указов. Как ни странно, ему предписывалось, «пересчитав» фискалов и их бухгалтерию, отправить списки в Тобольский надворный суд.

Инструкция, как и многие другие вышедшие до этого указы, оговаривала принцип строгой иерархии судебных учреждений: «мимо надворного суда в Юстиц-коллегию ни о чем важном не писать». В ней был в очередной раз провозглашен один из важнейших принципов административных реформ Петра – специализация сфер управления. В соответствии с ним судье особо предписывалось не вступать в дела Камер-коллегии<sup>18</sup>.

Проанализировав текст документа, можно сделать вывод, что Тобольский надворный суд очень серьезно подошел к подготовке должностной инструкции для подчиненных ему судебных инстанций. Она основана на таких ключевых для того времени законодательных актах, как «Генеральный регламент» и именной указ от 4 апреля 1722 г., вводивший новую судебную иерархию. В инструкции тщательно прописаны все полномочия судебного комиссара относительно судебной, нотариальной, фискальной деятельности. Особое внимание может быть обращено на большое количество отчетной документации, которую требовал надворный суд от комиссара. Тем не менее, в ней явственно отразился один недостаток, характерный для всей административной машины того времени. Несмотря на кажущуюся свободу судьи в судебно-следственных вопросах, он оставался в определенной зависимости от местной администрации: «а канцелярию и постоянных дворов, подьячих, сторожей, караульщиков, палачей и других требовать тебе в Уктусском дистрикте у кого надлежит»<sup>19</sup>. Таким образом, судебный комиссар был вынужден прислушиваться к мнению Сибирского обер-бергамта и Екатеринбургской земской канцелярии.

К новому месту службы Карвацкий отправился лишь 10 января 1724 г., когда Тобольская губернская канцелярия распорядилась выделить ему необходимые подводы и прогонные деньги. 21 января 1724 г. губернское руководство известило об этом Сибирский обер-бергмт. Второго марта Карвацкий прибыл в Екатеринбург; перед горным

начальством встала задача снабдить судью всем необходимым и передать дела, сохранившиеся от деятельности его предшественника<sup>20</sup>. На Каменские заводы судебного комиссара так и не определили.

Еще до прибытия нового судебного комиссара в Сибирском обер-бергамте стремились сохранить формальную подсудность дел различных категорий населения. В наказе В.Н. Татищева комиссару Екатеринбургских заводов Федору Неклюдову от 15 октября 1723 г. в части, касающейся организации судебной деятельности, говорилось: «над всеми заводскими служители и работники чинить вам суд как в делах государевых, так и в собственных спорах, и вершить оные по Уложению и печатным указам самую сущую правдою, не щадя винного, ни посягая на правого, ни для коея страсти, а для лучшего предохранения», «а против всяких людей в преступлениях не описывая, ежели не вложил, отсылать к земскому суду к пытке, и при том быть фискалу и тебе самому или кого пошлешь пристойного, а вам самим никого не пытаться». Запрещалось брать какие-либо дела без повеления земского судьи, хотя «завотцким служителем, всяких ремесел людем под суд земского судьи не ходить, разве по причине от вас отослан будет». В наказе предполагалось, что оба ведомства будут оказывать друг другу посильную помощь в процессе разбирательства того или иного дела<sup>21</sup>.

Приезд Карвацкого потребовал еще раз оговорить судебные полномочия различных ведомств, что и было сделано указом, привезенным в Екатеринбург судебным комиссаром, копия которого датируется 3 марта 1724 г.<sup>22</sup> Указ передавал в ведение Карвацкого дела «во обидах, в разбоях, в краже, в бесчестье и в брани и в протчем, касающиеся Юстиц-коллегии». Сибирскому обер-бергамту предполагалось рассматривать дела «о горном, медном и протчем деле, касающиеся до интереса Его императорского величества». Заводскому комиссару Екатеринбургских заводов оставались случаи, возбужденные по жалобам «на приказчиков и старост и на протчих, в высылке в работы не по очереди».

Можно отметить, что Дмитрий Карвацкий, как и его предшественник В. Томилов, с самого начала был вынужден вступить в тесный контакт с местными земскими властями<sup>23</sup>. «Журнал входящих и исходящих документов Екатеринбургской земской конторы» за 1724 год, сохранившийся в фонде «Уральского горного правления» ГАСО, свидетельствует о том, что таким земским учреждением стала Екатеринбургская земская канцелярия<sup>24</sup>.

Таблица 1.

Месяц	Количество входящих документов в земскую контору из судебной канцелярии	Количество исходящих документов из земской конторы в судебную канцелярию	Распоряжения земской канцелярии в другие ведомства по запросам судебной канцелярии
Январь	0	2	0
Февраль	3	3	1
Март	3	6	2
Апрель	3	2	2
Май	5	4	1
Июнь	0	1	0
Июль	0	0	0
Август	1	2	0
Сентябрь	3	3	0
Октябрь	1	0	0
Ноябрь	3	3	1
<b>Итого</b>	<b>22</b>	<b>26</b>	<b>7</b>

Составлено по: ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 5.

По данным Журнала можно отметить, что первые месяцы нового, 1724 года, судебная канцелярия достаточно активно продолжала работать и в отсутствие своего непосредственного главы – судебного комиссара. По таблице отчетливо видно, что в марте документооборот между судебной канцелярией и земской конторой немного вырос. Объяснением этому может стать прибытие Карвацкого к месту службы. Сопоставляя данные о начальном этапе работы двух судебных комиссаров в 1722 и 1724 годах, можно увидеть существенные отличия в их взаимоотношениях с земскими конторами. Если В. Томилову в январе и феврале 1722 года постоянно приходилось напоминать о том или ином своем прошении, поданном в Арамилскую земскую контору<sup>25</sup>, то Д. Карвацкий сразу же оказался «завален» промемориями из Екатеринбургской земской конторы, где в связи с расследованием оказалась документация предыдущего судебного комиссара. С ними к новому судье отправляли тяжущихся и ответчиков. В дальнейшем соотношение между числом входящих и исходящих документов было гармонизировано и равнялось почти 1:1. Данный факт свидетельствует о том, что связи между различными ведомствами уже сложились, сами они исправно выполняли



свои обязанности. Безусловно, большую роль здесь сыграло появление канцелярии В. Геннина.

Обратившись к содержанию промеморий за 1724 г., можно выделить ряд ключевых вопросов, по которым происходило общение между канцеляриями в то время: судебно-следственные дела, кадровые перестановки, финансовая отчетность и другие денежные вопросы.

Таблица 2.

Месяц	Судебно-следственные вопросы	Кадровые вопросы	Вопросы об оформлении финансово-отчетной документации
Январь	2	0	0
Февраль	1	2	0
Март	3	2	0
Апрель	1	1	1
Май	0	4	2
Июнь	1	0	0
Июль	0	0	0
Август	1	0	1
Сентябрь	1	1	0
Октябрь	0	1	0
Ноябрь	1	0	2
<b>Итого</b>	<b>11 (39,3%)</b>	<b>11 (39,3 %)</b>	<b>6 (21,4 %)</b>

Составлено по: ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 5.

В Журнале входящих и исходящих документов за 1724 г. оказалось зарегистрировано 28 различных казусов, по которым происходило общение земской конторы и судебной канцелярии. Если обратиться к таблице, можно увидеть, что далеко не все промемории касались вопросов суда и следствия. Они составили 39,3% от всего количества дел за указанный период, что равняется числу случаев, когда вставала необходимость решения вопросов о пополнении судебной канцелярии кадрами. Финансовые вопросы составили самую малую группу случаев. По таблице можно заметить, что они возникали в среднем раз в три месяца, когда вставала необходимость в создании очередных отчетов, выписке подорожных или выплате жалования. Таблица позволяет выявить, что судебно-следственные вопросы требовали ежемесячного решения. Лишь в мае, июле и октябре не возникало спорных судебных ситуаций, требо-

вавших участия обоих ведомств. Решение кадровых вопросов в основном выпало на февраль-май 1724 г.

Здесь следует отметить, что канцелярия, подчиненная новому судебному комиссару, на тот момент не была полностью укомплектована. По справке, представленной в Сибирский обер-бергамт 16 июня 1726 г., в судебной канцелярии обреталось всего 4 человека. «В бытности камисара Карвацкого подячей был Петр Юрьев. Андрей Гобов прислан при указе из Сибирского обер-бергамта апреля с 8 дня 725 году, а писчики Яков Маслыков, Иван Попов присланы по словесному приказу камисара господина Неелова 724 году июня 1 дня»<sup>26</sup>. Временем формирования низшего звена канцеляристов и достаточно непостоянного по составу вспомогательного персонала судебной канцелярии стал 1724 год.

Несмотря на предварительное разграничение судебных полномочий между представителями различных ведомств, функционировавших на Урале, Сибирский обер-бергамт стремился контролировать деятельность Карвацкого и даже продолжал заниматься вопросами суда и следствия<sup>27</sup>. Это проявилось и в изменении местоположения судебной канцелярии: с Уктусских заводов она была перенесена в Екатеринбург<sup>28</sup>. Несомненно, одной из причин такого перемещения стал перевод на Екатеринбургские заводы летом 1723 г. земской и казенной контор, таможни и рынка, а в сентябре этого же года и самого Сибирского обер-бергамта<sup>29</sup>; как видно из вышеприведенной таблицы, судебному комиссару периодически требовалось общаться по различным вопросам ко всем перечисленным административным структурам.

Протоколы Сибирского обер-бергамта за 1724 г. дают нам возможность усмотреть зависимость судебного комиссара от этого учреждения. Во-первых, по указу обер-бергамта от 18 августа 1724 г., Карвацкий должен был сообщать обо всех «воровских» лошадях, которые попадали в судебную канцелярию<sup>30</sup>. Более того, дабы лошади не простаивали зря, обер-бергамт в течение всего времени судебного разбирательства использовал их на заводских работах<sup>31</sup>. Во-вторых, понимая полную подотчетность Екатеринбургской земской конторы вышестоящему учреждению, судебный комиссар очень часто дублировал свои просьбы о предоставлении ему «нижних служителей»<sup>32</sup>: посыльных, провожатых, сторожей и др.<sup>33</sup> – в Сибирском обербергамте. В-третьих, в горное начальство поступали жалобы на нового судебного комиссара от различных должностных лиц. Наиболее ярким примером такой жалобы можно

назвать полученную 8 сентября 1724 г. челобитную фискала И. Крупеникова, в которой он жаловался на Д. Карвацкого «в бою». Делу так и не был дан ход, но этот случай дает нам некоторое представление о характере Карвацкого<sup>34</sup>. В-четвертых, судья отчитывался по всем судебным делам, связанным с заводскими работниками<sup>35</sup>. В-пятых, большинство колодников Екатеринбургской судебной канцелярии находились на заводских работах от Сибирского обер-бергамта<sup>36</sup>. В-шестых, все дела по «слову и делу государеву» автоматически передавались в Сибирский обер-бергамт<sup>37</sup>. В-седьмых, ему был подсуден вспомогательный персонал судебной канцелярии<sup>38</sup>.

Анализ регистров Екатеринбургской земской канцелярии за 1725–1727 гг. показывает, что судебный комиссар с каждым годом все больше стремился по любой проблемной ситуации прямо обращаться в Сибирский обер-бергамт, особенно если дело касалось кадровых и финансовых вопросов.

Таблица 3

Год	Количество входящих документов в земскую контору из судебной канцелярии	Количество исходящих документов из земской конторы в судебную канцелярию	Распоряжения земской канцелярии в другие ведомства по запросам судебной канцелярии
1724	22	26	7
1725 <sup>39</sup>	14	12	4
1726 <sup>40</sup>	5	3	1
1727 <sup>41</sup>	2	1	0

Таблица 4.

Год	Судебно-следственные вопросы	Кадровые вопросы	Вопросы об оформлении финансово-отчетной документации
1724	11	11	6
1725	14	2	0
1726	2	1	1
1727	1	0	1

Составлено по: ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2, 5, 6, 8.

Если обратить внимание на книги протоколов Сибирского обер-бергамта за указанный период и проанализировать дела, содержащие доношения и промемории, сохранившиеся в фонде «Уральского горного правления», то можно выявить тенденцию значительного увеличения количества доношений от Д. Карвацкого. Данная ситуация связана с изменением кадровой политики обер-бергамта. Посчитав, что в обязанности горного начальства входило лишь первоначальное обеспечение судебной канцелярии служащими, на все последующие запросы о предоставлении низших кадров в местное судебное учреждение обер-бергamt отвечал отказом или молчанием<sup>42</sup>. Первый такой отказ был зафиксирован 9 октября 1724 г. В ответ на доношение Карвацкого о предоставлении ему «рассыльщиков», обер-бергamt выслал указ, в котором просил его требовать служителей от надворного суда. Правда, одновременно заводскому комиссару Ф. Неклюдову приказывалось не отбирать у судебного комиссара уже имевшихся служителей до тех пор, пока ему не будут присланы новые из губернского центра<sup>43</sup>.

Второй причиной изменения кадровой политики являлась промемория из Тобольской земской конторы камерирского правления от 7 сентября 1724 г. В ней обер-бергамту сообщалось, что «в караулишки к тюрьмам и к судебным канцеляриям, так и в денщики и разсылщики судьям и фискалам под жестоким штрафным взысканием никого давать не велено»<sup>44</sup>. Как можно выяснить из протоколов Сибирского обер-бергамта, земская контора предписывала отобрать и тех крестьян, которые находились на тот момент на службе в судебной канцелярии Д. Карвацкого<sup>45</sup>. Таким образом, на Урале наблюдалось столкновение интересов представителей трех различных ведомств: Юстиц-, Берг- и Камер-коллегий. В данном случае интересы двух последних совпадали. Как уже было отмечено выше, ведомство Берг-коллегии на Урале максимально стремилось использовать труд всего населения на подчиненной ему территории. В работу отправлялись даже колодники, находившиеся под следствием в судебной канцелярии. Нерациональное использование крестьянского труда – служба при канцелярии, могло не устраивать горное начальство. Перед Камер-коллегией и ее подразделениями на Урале и в Западной Сибири с самого начала существования стояла цель максимального сбора податей с территории. Отвлечение податного населения на другие виды «государственных служб» не способствовало этим планам<sup>46</sup>.

Споры о кадрах периодически возникали в течение всего 1725 г. В большинстве случаев все запросы судебного комиссара переадресовывались либо в Тобольскую губернскую канцелярию, либо в Тобольский надворный суд<sup>47</sup>. Сам надворный суд придерживался позиции рационального использования денежных и людских ресурсов. Он предпочитал продолжать давление на горное начальство через губернатора и его канцелярию и часто достигал своей цели.

Несмотря на свое главенство, Сибирский обер-бергамт в наиболее сложных случаях предпочитал советоваться с судебным комиссаром. В качестве примера можно привести протокольную запись о слушании дела молотового мастера Еремея Клещева по обвинению в татьбе, которое разбиралось в обер-бергамте в марте 1724 г. «А по справке с судебной канцеляриею в присланном блаженныя памяти Его императорского величества указе, которой прислан из Сената в Тоболеск генваря 19 дня 1722 году, а с Тобольского надворного суда в Уктусские заводы марта 11 дня 1722 году, написано: татем и разбойникам за первую и вторую татбу чинить наказание и свободждать на поруки как указы повелевают»<sup>48</sup>.

По вопросам суда обращалась в судебную канцелярию и Каменская земская канцелярия, оставшаяся без собственного судьи<sup>49</sup>. Судебная канцелярия и земские избы Екатеринбургского и Каменского заводов обменивались между собой прмемориями, что свидетельствует об их равном статусе. В течение 1724 г. переписка между Каменской земской конторой и Екатеринбургской судебной канцеляриями также велась достаточно равномерно, в соотношении 1:1. По содержанию она практически ничем не отличается от переписки с екатеринбургскими ведомствами. При этом, можно заметить, что судебная канцелярия обладала здесь несколько большим весом. Так, Каменская земская канцелярия отчитывалась перед судебным комиссаром по количеству собранных по делам суда и следствия пошлин и присылала требуемых судебной канцелярией людей.

Положение изменилось 16 февраля 1725 г., когда Сибирский обер-бергамт, слушав в очередной раз выписки по различным делам, приговорил послать указ в земскую контору, «дабы Каменских заводов земской прикащик более в судные дела, которые подлежат к коллегии Юстиции, не вступался. А велеть онго Каменского дистрикта дела править судебному комиссару Карвацкому одному, чтоб во отправлении земских дел за тем помешательства и остановки не было»<sup>50</sup>. Несмотря на достаточно длительную историю взаимоотношений между судебным

комиссаром и земской канцелярией, процесс передачи дел и документации продолжался вплоть до мая 1725 г.<sup>51</sup> Что же можно сказать о регулировании вопросов о проведении суда и следствия?

Д. Карвацкий недолго находился в положении судебного комиссара двух дистриктов. Уже в марте 1725 г. судебному комиссару пришел указ из надворного суда с вызовом в Тобольск. Сибирский обер-бергамт в ответ на это приказал судье оставаться у дел, потому «что определит кому те судные дела править и репорты делать не кого, и чтоб затем в судебных делах остановки не учинилось»<sup>52</sup>. Как следует из протоколов обер-бергамта, отъезд предполагался на достаточно длительный срок. Формальной причиной поездки называлась необходимость сдать все требуемые отчеты. В реальности дело было гораздо сложнее, так как касалось борьбы за влияние в уральском регионе между губернским центром, представленным на тот момент Тобольской губернской канцелярией и Тобольским надворным судом с одной стороны, и ведомством генерал-майора В. де Геннина с другой.

В марте 1725 г. на Каменские заводы прибыл один из членов присутствия Тобольского надворного суда ассессор майор Н. Кондырев<sup>53</sup>. Его целью было расследование дела о злоупотреблениях предыдущих судей Гаврилы Черкасова и Венедикта Томилова<sup>54</sup>. Этот сюжет из истории горного ведомства уже освещался во многих исследованиях и может не требовать дополнительных пояснений<sup>55</sup>. В данном случае можно отметить, что расследование осложнялось удаленностью места происшествия от Тобольска: это приводило к излишним расходам и затягиванию следствия. С самого начала Геннин, как представитель одной из розыскных комиссий Петра I, настаивал на создании особого следственного органа по типу комиссии и для проведения розыска по делу Черкасова – Томилова<sup>56</sup>. В надворном суде прислушались к мнению генерал-майора. По-видимому, еще одной причиной организации комиссии во главе с непосредственным руководителем подследственных было соблюдение интересов учреждений, подведомственных Юстиц-коллегии.

Присутствие на Каменских заводах такой важной фигуры, несомненно, отодвинуло на второй план судебного комиссара. Н. Кондырев и горное начальство обменивались промемориями<sup>57</sup>. Обер-бергамт не случайно потребовал оставить Карвацкого на Урале. На его долю выпала роль одного из проходивших по следствию свидетелей, который, в

отличие от большинства других, был выслан в Каменский дистрикт по первому требованию ассессора надворного суда<sup>58</sup>.

Причиной этому являлось то, что присланный судья не мог приглашать свидетелей по своему усмотрению. Все они пересылались через канцелярию Сибирского обер-бергамта, которая часто отказывала судье и просила «писать, какое до онаго дело касаетца, чтоб прислать известие, по которому будет взято ответствие»<sup>59</sup>. После того, как Кондырев попросил прислать на Каменские заводы «зборные крестьянские книги» всех слобод Каменского дистрикта за 1721–1723 гг., хранящиеся в обер-бергамте, ассессору было предложено перебраться в Екатеринбург<sup>60</sup>. Сибирский обер-бергамт объяснял это не только прямым распоряжением указа из Юстиц-коллегии, но и удобствами следствия: «Ежели какая справка возымеется, то вскорости имеет ответствовано быть». Сибирский обер-бергамт продолжал в течение всего периода следствия оказывать посильную помощь надворному судье. В июле 1725 г., например, был выявлен ряд злоупотреблений судьи Г. Черкасова, касающихся незаконного присвоения лошадей местных жителей<sup>61</sup>.

Несмотря на то, что окончание дела теряется в фонде «Уральского горного управления», можно предположить, что все это время Н. Кондырев отслеживал работу местного судебного комиссара. 24 марта 1725 г., например, из обер-бергамта ему было передано дело о татьбе на сумму, превышавшую 50 рублей. Колодников по делу требовалось передать в Тобольский надворный суд, который с 1722 г. являлся судом первой инстанции для преступлений такого рода<sup>62</sup>.

Кроме того, как уже было отмечено, Карвацкий лишился всего вспомогательного персонала судебной канцелярии. Решение этого вопроса затянулось на несколько месяцев. Лишь 23 июля 1725 г. Сибирский обер-бергамт получил промеморию из Тобольской губернской канцелярии следующего содержания: «Сего 725 году июля 2 дня в промемории в губернскую канцелярию ис Тобольского надворного суда написано: мая 14 дня сего 725 году в доношении за рукою из Екатеринбургских заводов судебного камисара Дмитрея Карвацкого в Тобольский надворный суд написано. Марта 24 дня 725 году прислан де из сибирского обер-бергамта к нему указ и при том указе в денежном деле и в конном воровстве колодники и при них допросные речи. И по помете в судебной канцелярии велено оное дело и воровские денги два рубли 63 копейки и чеканы святцы тетратки, две цепочки оловянна, крест и серьги серебре-

ные принят, а колодников держать в тереме под караулом до указа. А с вышеозначенного указа и с дела, списав верную копию, послать с доношением в Тобольский надворный суд. И оные колодники во оном денежном деле не разыскиваны, для того что будет станут у розыску на кого в том деле показывать и ему по таких в дистрикте и слободе или в деревни для посылки и приходу посылать из судебной канцелярии некого, потому что служители и сторожи отняты». Таким образом, только через посредничество сибирского губернатора князя М. Долгорукова Тобольский надворный суд добился распоряжения о предоставлении «посыльщиков» и сторожей Сибирским обер-бергамтом, а Кондырев мог убедиться в неэффективности работы Карвацкого<sup>63</sup>.

Все приведенные случаи, а также невозможность выплачивать соответствующее жалование служащим судебной канцелярии<sup>64</sup>, привели и Тобольский надворный суд, и губернский, и столичный центры к идее о передаче всех судебных полномочий на Урале в руки местных земских комиссаров. Уже 16 июня 1725 г. Сенат подписал указ, адресованный В. де Геннину, в котором генерал-майору давалось исключительное право разбирать дела о злоупотреблениях должностных лиц на подведомственной ему территории. Указ Берг-коллегии о ликвидации судебной канцелярии пришел в обер-бергамт 27 ноября этого же года<sup>65</sup>. 16 декабря 1725 года Сибирский обер-бергамт уведомил об этом Карвацкого. Все «судные и розыскные дела» переходили в руки земских комиссаров<sup>66</sup>.

Данное решение устраивало обер-бергамт и его фактического главу – де Геннина. Тем не менее, следы существования судебной канцелярии встречаются до 1727 года включительно. В 1726 г. можно наблюдать процессы закрытия судебной канцелярии и перехода дел и служащих из одного ведомства в другое. Если в Каменском дистрикте все дела с самого начала года были переданы в ведение Каменской земской конторы<sup>67</sup>, то в Уктусском дистрикте дела обстояли несколько иначе. По всей видимости, начальство обер-бергамта увидело в Карвацком достаточно квалифицированного служащего, который мог бы принести пользу и в горном ведомстве. Некоторое время отъезд комиссара задерживался<sup>68</sup>. Такая же политика велась по отношению к другим служащим. В апреле 1726 г., например, Геннин попытался оставить в своем ведении одного из солдат судебной канцелярии и даже отправил в Тобольский надворный суд промеморию на этот счет<sup>69</sup>.



Только 23 июля 1726 г. в Сибирском обер-бергамте было принято решение послать Карвацкого с необходимой для отчета документацией в Тобольск<sup>70</sup>. В этот день завершился процесс, который начался еще месяц назад, 14 июня<sup>71</sup>. Через 2 дня, 16 июня, обер-бергамтом была получена справка о количестве подъячих в бывшей судебной канцелярии, по которой выяснилось, что «при вышеписанном камисаре Карвацком ныне подъячих никого не имеется». Подъячий Андрей Гобов был взят обратно в земскую канцелярию еще в начале августа 1725 г., писари Попов и Маслыков также оказались переведены в земскую канцелярию «к судным делам»<sup>72</sup>.

В этот же день Петром Юрьевым был передан весь пакет ключевых для суда и следствия законодательных актов: Уложения и «новоуказных статей». Можно отметить, что земский комиссар С. Неелов изучил их с большой тщательностью. В одном из доношений от 21 июля 1726 г. он обратился в обер-бергамт с просьбой истолковать расхождения в законодательстве, касающиеся наказаний за наиболее серьезные уголовные преступления. В результате решения этого спорного вопроса мы можем узнать некоторые подробности о судебной практике Карвацкого.

«Сего июля 16 дня судных и розыскных дел подъячей Петр Юрьев объявил в земской канторе с указу блаженные и вечно достойные памяти Его императорского величества копию, какова прислана из губернии от надворного суда к бывшему судебному камисару Дмитрею Карвацкому, которая писана с печатного указу 1721 году ноября дня, которой копии оной Карвацкой в земскую кантору к судным делам не отдал. В котором указе написано: всепресветлейший державнейший Петр Великий император и самодержец всероссийский сего ноября 10 дня указал в губерниях и в провинциях в нижних судах, ежели по каким делам за вины кто будет достоин ссылки на галеры или смертной казни, и о таких, подписав приговор, те дела и тех людей, кто чему осужден будет, отсылать в надворные суды». Кроме того, предполагалось карать «разбойников и татей» за 1 или 2 разбоя, без убийств, вырезанием ноздрей и ссылкой на каторгу в вечную работу, за 1–2 разбоя и убийство – смертью, за 3 разбоя – также смертью. Как сказано в доношении, подъячий Юрьев засвидетельствовал, что Д. Карвацкий за 1–2 разбоя вырезал ноздри и отпускал, а за 3 разбоя отправлял в Тобольский надворный суд. Степан Неелов просил разъяснить обер-бергамт, каким образом судить нынешних татей и разбойников: по Уложению или «новоуказан-

ным статьям 1721 года»<sup>73</sup>. На следующий день горное начальство приняло решение послать доношение в Берг-, а не Юстиц-коллегию, для уточнения спорного вопроса<sup>74</sup>.

Судя по источникам, отложившимся в результате деятельности Сибирского обер-бергамта, с 24 июня началась передача всего комплекса делопроизводственной, судебно-следственной и бухгалтерской документации, накопившегося за все время функционирования судебной канцелярии<sup>75</sup>. Помимо бумаг в ведение Екатеринбургской земской конторы передавались и колодники, чьи нерешенные дела еще находились в канцелярии Карвацкого.

Таким образом, вышеприведенные факты и протоколы обер-бергамта свидетельствуют о том, что большинство судебно-следственных дел, начиная с середины июля 1726 г., рассматривалось либо в самом обер-бергамте, либо в Екатеринбургской земской конторе (канцелярии)<sup>76</sup>. 22 июля в обер-бергамте было принято решение и об окончательном переводе наиболее опытного в судебных делах подъячего, Петра Юрьева, в ведомство земского комиссара С. Неелова. «Понеже судных дел умножилось, а подячих имеется малое число, и ежели подячего отпустит, то судные дела понуждены будут претерпеть остановку»<sup>77</sup>. Обер-бергамту удалось сохранить в своих руках всех канцелярских служащих Карвацкого, не передав никого в губернию.

В этот же, предпоследний день нахождения Карвацкого в Екатеринбурге, в обер-бергамте было принято решение «оного Карвацкого для отчета в Тоболеск отпустить и дать ему под приходные и расходные книги и под денежную казну и под пожитки Братцова подорожную на одну подводу за ево прогоны».

«А колодников<sup>78</sup>, которые содержатся у него, Карвацкого, по денежному делу и в пожеге, послать с ним, Карвацким, в Тобольский надворный суд за конвоем четырех человек драгун, для того что по силе Соборного Уложения 5 главы 1 статьи, а в пожеге по силе оного же Соборного Уложения 10 главы 228 статьи, таковы являют себя достойны вины криминальной»<sup>79</sup>.

Карвацкий был последним судебным комиссаром в Уктусском и Каменском дистриктах. Анализируя деятельность последнего судьи, можно выделить несколько этапов. Первый этап его работы приходится на 1724 г. и характеризуется исправным осуществлением своих полномочий. Здесь наблюдается тесное взаимодействие с Сибирским обер-

бергамтом и земскими конторами, четко координируется их деятельность. Второй этап деятельности судебного комиссара падает на 1725 г. Этот период отмечен увеличением подведомственной ему территории до двух дистриктов и присутствием на ней розыскной канцелярии надворного суда, которая ограничивала возможности своего подчиненного. В результате в Тобольске оформилась мысль о ликвидации должности судебных комиссаров на территории Среднего Урала. Третий этап стал временем передачи полномочий от комиссара Юстиц-коллегии к земскому комиссару. Фактически он закончился уже в июле 1726 г.

Редкое упоминание судебной канцелярии в регистрах Екатеринбургской земской канцелярии за 1727 г. может быть объяснено традицией одинакового наименования ведомств со схожими функциями: фактически судебная канцелярия, некогда подчинявшаяся Тобольскому надворному суду и Юстиц-коллегии, в полном составе перешла в ведение земской конторы и стала ее отделением. Данный факт подтверждается доношением из земской конторы в обер-бергамт от 20 мая 1727 г. «о определении оной конторы к судным и розыскным делам среднего подъячего Ивана Кычигина, у отправления земских дел в Арамилской земской конторе Петра Юрьева, в Алапаевскую земскую контору Андрея Попова, в Камышловскую земскую кантору молодого подъячего Петра Салонина»<sup>80</sup>.

Должность судебного комиссара была упразднена по именному указу от 15 июля 1726 г.<sup>81</sup> На уровне Сибирской губернии это решение было еще раз подтверждено в сенатском указе от 21 февраля 1727 г.<sup>82</sup> В регистрах Сибирского обер-бергатма данная промемория была зарегистрирована лишь 13 октября этого же года. Интересно, что в обер-бергамте она была датирована 18 мая 1727 г., по-видимому, датой ее получения в Тобольском надворном суде<sup>83</sup>. Несмотря на такое запоздание, данные документы лишь подтверждали существование той судебной практики, которая уже сложилась на территории Уктусского и Каменского дистриктов к середине 1726 г. Таким образом, можно отметить, что реальные изменения реформированной судебной системы на местах несколько опережали их официальное законодательное оформление в некоторых регионах Российской империи.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> См., например: *Бородина Е.В.* Неизученные проблемы второй административной реформы Петра Великого // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления в Сибири XVI–XXI вв.: Материалы VI Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2006. С. 28–31.

<sup>2</sup> *Богословский М.М.* Областная реформа Петра I. Провинция: 1719–1727 гг. М., 1902; *Готье Ю.В.* Отделение судебной власти от административной // Судебная реформа / Под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. М., 1915. Т. 1. С. 186–195; *Он же.* История областного управления России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. М., 1913; Т. 2. М.; Л., 1941.

<sup>3</sup> ПСЗ. Т. 6. № 3935.

<sup>4</sup> Это произошло еще в июле 1723 г. См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 21<sup>6</sup>. Л. 157.

<sup>5</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 172 об.

<sup>6</sup> Должность судебного комиссара была введена указом от 4 апреля 1722 г. См.: ПСЗ. Т. 6. № 3935.

<sup>7</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 21<sup>6</sup>. Л. 157–158 об. Здесь можно отметить, что ни в одном документе о назначении судебных комиссаров ничего не говорится об Алапаевском дистрикте, который некоторое время находился в ведении В. Томилова. Лишь один раз встречается сообщение о колодниках с демидовских заводов, содержащихся в канцелярии Карвацкого (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 61. Л. 186 об.).

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 94. Л. 445–448 об.

<sup>10</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 21<sup>6</sup>. Л. 157–158 об. Проверка велась вплоть до 10 января 1724 г.

<sup>11</sup> *Богословский М.М.* Областная реформа Петра I. Провинция: 1719–1727 гг. С. 174; *Акишин М.О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003. С. 62; *Балакирева Л.Н.* Судебная реформа Петра I: Юстиц-коллегия: Учебное пособие. Новосибирск, 2003. С. 246.

<sup>12</sup> Российское законодательство X–XX вв. / Под ред. О.И. Чистякова. Т. 4.: Законодательство периода становления абсолютизма / Под ред. А.Г. Манькова. М., 1986. С. 191; Российское законодательство X–XX вв. / Под ред. О.И. Чистякова. Т. 5.: Законодательство периода расцвета абсолютизма / Под ред. Е.И. Индовой. М., 1987. С. 151.

<sup>13</sup> *Волков Л.В., Дьячкова М.П.* Судебный комиссар // Государственность России. Словарь-справочник. Кн. 5. Ч. 2. М., 2005. С. 365.

<sup>14</sup> *Акишин М.О.* Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 101.

<sup>15</sup> *Балакирева Л.М.* Указ. соч. С. 240–246.

<sup>16</sup> Вопрос о создании специальной инструкции для надворных судов и судов более низших инстанций интересовал еще М.М. Богословского. В московском архиве Министерства Юстиции ученый обнаружил один из экземпляров инструкции над-

ворным судам, составленной Юстиц-коллегией для предоставления в Сенат в декабре 1722 г., и опубликовал его в приложении к своей монографии 1902 г. На данный момент большинство исследователей пользуются этой публикацией (*Богословский М.М.* Указ. соч. С. 3–37, Приложения). Л.М. Балакирева выявила, что «авторы и точная дата составления должностной инструкции городovým судьям не известны, но первым такой наказ получил бывший новгородский ландрат И. Мякинин 23 января 1719 года». Приведенные Балакиревой фрагменты инструкции, говорят о том, что она определяла полномочия городских судей, которые являлись предшественниками судебных комиссаров, лишь в самых общих чертах (*Балакирева Л.М.* Указ. соч. С. 246–247).

<sup>17</sup> К сожалению, в Государственном архиве Свердловской области в фонде Уральского горного правления сохранилась лишь полная копия инструкции. Но даже эта копия может нам рассказать о тех обязанностях, которые возлагались на судебного комиссара.

<sup>18</sup> Это желание правительства выделил еще М.М. Богословский. См.: *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 224.

<sup>19</sup> Там же. Л. 447 об.

<sup>20</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 172 об.

<sup>21</sup> *Татищев В.Н.* Записки и письма. М., 1990. С. 69–71. № 25.

<sup>22</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 40. Л. 371 об. – 372.

<sup>23</sup> Как отмечает М.О. Акишин, «земский комиссар был главным агентом воеводской власти в дистрикте, объединяя в своих руках все административно-полицейское управление» (*Власть в Сибири: XVI – начало XX в.* Новосибирск, 2005. С. 58.)

<sup>24</sup> ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 5.

<sup>25</sup> Соотношение писем входящей и исходящей документации Арамильской земской конторы в январе и феврале 1722 г. составляло 7:5 и 11:3 соответственно (ГАСО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1).

<sup>26</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 61. Л. 183.

<sup>27</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 360–363.

<sup>28</sup> Об этом, например, свидетельствует переписка между Каменской земской конторой и Екатеринбургской судебной канцелярией, относящаяся к 1724 г. ГАСО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 7, Л. 227, 234, 235, 261, 302 и др.

<sup>29</sup> *Власть в Сибири...* С. 57.

<sup>30</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 36. Л. 42 об.: «подано доношение и при том объявлены лошади».

<sup>31</sup> 13–19 октября 1724 г. протоколы зафиксировали разбирательство о лошади, которая из судебной канцелярии была отдана в обер-бергамт. В результате лошадь была отослана затребовавшему ее крестьянину (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 29. Л. 123–124 об.)

<sup>32</sup> *Серов Д.О.* Надворные суды в судебной системе России (1719–1727 гг.) // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 134.

<sup>33</sup> 19 августа 1724 г. в обер-бергамт поступило доношение от Карвацкого «о даче для поимки воров татар и русских понятих». Ответом на него стали указы сержанту

Вдовину о «даче драгуна для поимки татар и русских и в земскую контору о даче пушкарей в помощь» (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 29. Л. 104). 2 сентября 1724 г. обер-бергамт получил доношение от Карвацкого «о даче провожатых до Тобольска за колодниками». В результате обербергамт дал указ о посылке драгуна (Там же. Л. 107 об.).

<sup>34</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 29. Л. 109. (Этот случай и его разбирательство в обербергамте объясняется инструкцией от 12 марта 1724 г., данной ему В. Генниным. – ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 33. Л. 60 об.–61).

<sup>35</sup> 24 сентября 1724 г. в Сибирском обер-бергамте было получено доношение от Д. Карвацкого «о доправке денег с гармагера Василия Тахарова» из его жалования. (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 29. Л. 117).

<sup>36</sup> 20 февраля 1725 г. в судебную канцелярию из Сибирского обер-бергамта был прислан указ с требованием отправить на рудники в Полевской 5 человек колодников для работ. Предполагалось, что они будут работать там до мая 1725 г., но они так и не были отправлены к судебному комиссару обратно. Дело, по которому они проходили, встало, о чем Д. Карвацкий доносил в обер-бергамт 14 июля 1725 г. (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 74. Л. 255–255 об.). 15 июля начальство обер-бергамта приговорило разобраться с делом (Там же. Л. 257 об.). 19 июля с Полевских заводов пришло ведение, в котором сообщалось, что один колодник бежал. Указами от 22 июля обербергамт постановил вернуть колодников в Екатеринбург и выплатить долги судебной канцелярии, «а те деньги, что колодники заработали сверх, оставить при них» (Там же. Л. 258–264 об.).

<sup>37</sup> Под 18 и 27 мая, 11 ноября 1725 года в протоколах обер-бергамта можно найти приговоры о наказании по «слову и делу государеву. – ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 64. Л. 39–39 об., 43 об., 55 об.–56.

<sup>38</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 92. Л. 34–38. В сентябре 1725 г. в обер-бергамте разбиралось дело о побеге колодников по вине охранявших их солдат, присланных горным начальством. Дело было решено в пользу канцелярии, солдат наказали на основании статей «Воинского артикула».

<sup>39</sup> ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2 (за весь год).

<sup>40</sup> ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 6 (за январь и май).

<sup>41</sup> ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 8 (за июнь и июль).

<sup>42</sup> Доношение Карвацкого от 18 декабря 1724 года «о даче провожатых до Тобольска» не получило никакого ответа (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 29. Л. 162 об.).

<sup>43</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 29. Л. 122.

<sup>44</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 64. Л. 14.

<sup>45</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 412–412 об.

<sup>46</sup> В промемории из Тобольской земской конторы камерирского правления так и говорится: «а где преж сего были даны ис крестьянства, и тех по прежнему отобрать х камисарству для платежа денежных податей» (Там же).

<sup>47</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 412–412 об., 414; Д. 64. Л. 14 – январь-февраль 1725 г. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 94. Л. 73–74 – июль 1725 г.

<sup>48</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 360–363.

<sup>49</sup> ГАСО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 7. Л. 227 и др.

<sup>50</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 173; Д. 64. Л. 14–14 об.

<sup>51</sup> 8 мая 1725 г. в Сибирском обер-бергамте было получено доношение Д. Карвацкого следующего содержания: «Сего 725 году мая 8 дня в Екатеринбургской судебной канцелярии Каменского дистрикту Катайского острогу преждебывшей подьячий Иван Санников скаскою объявил. В минувшем де 721 году присланы ис Тобольска в Каменские заводы новоуказные статьи к преждебывшему судебному камисару Гаврилу Черкасову. А ныне де оные новоуказные статьи по отезде ево, Черкасова, в Каменских заводах в земской канторе у управителя Гордея Тряпицына. А оным новоуказным статьям надлежит быть в Екатеринбурх в судебной канцелярии к пополнения к надлежащим делам. Того ради Сибирский обербергамт о чем что соизволит» (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 72. Л. 167).

<sup>52</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 64. Л. 21 об.

<sup>53</sup> По всей видимости, в результате его приезда для нужд суда был передан подьячий Андрей Гобов (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 61. Л. 183).

<sup>54</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 78. Л. 10–11.

<sup>55</sup> *Редин Д.А.* Генерал де Геннин – князь Козловский: к истории межведомственного конфликта 1723–1724 гг. // Русские старожилы. Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2000. С. 316–319; *Он же.* Личная канцелярия генерала де Геннина: характер учреждения, штат, сфера компетенции и организация делопроизводства // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 5. Екатеринбург, 2003. С. 36–63; *Бородина Е.В.* Тобольский надворный суд в 20-е годы XVIII в. // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории: Сб. науч. тр. студентов, аспирантов и молодых ученых. Екатеринбург, 2004. С. 59–68.

<sup>56</sup> Майорские розыскные канцелярии уже достаточно хорошо изучены в современной исторической литературе. Одни исследователи причисляют их к одному из видов внесведомственных органов предварительного следствия (*Серов Д.О., Аверченко А.К.* Внесведомственный следственный аппарат России: замыслы и реальность // Журнал российского права. 2005. № 10. С. 122–127.) Другие историки отмечают многофункциональность и временность этих учреждений (*Бабич М.В.* К истории государственных учреждений XVIII века: «майорские канцелярии» // Отечественные архивы. 2000. № 1. С. 21–31; *Она же.* Комиссии как государственные учреждения петровской эпохи // Российское самодержавие и бюрократия. Сборник статей в честь Н.Ф. Демидовой / Отв. ред. А.А. Преображенский. М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2000. С. 182–218 и др.).

<sup>57</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 78. Л. 193–193 об.

<sup>58</sup> Там же.

<sup>59</sup> Там же.

<sup>60</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 78. Л. 318–318 об, 327–328 об.

<sup>61</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 74. Л. 143–143 об.

<sup>62</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 64. Л. 26 об.

<sup>63</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 94. Л. 73–74.

<sup>64</sup> По доношению отставного солдата Андрея Ларионова от 15 апреля 1726 г., служившего в Екатеринбургской судебной канцелярии с 6 июля 1725 г., «денежного и хлебного кормового жалования мне не определено, а служил из доходов» (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 94. Л. 344).

<sup>65</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 61. Л. 210–210 об.

<sup>66</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 94. Л. 344–344 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 96. Л. 105–106.

<sup>67</sup> Вся судебно-следственная документация за 1726 г. велась в земской конторе. – ГАСО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 14.

<sup>68</sup> Отъезд мог задерживаться и по другим причинам, наиболее вероятной из которых была необходимость подготовки всей отчетной документации. Геннин «приказал» ехать Карвацкому в Тобольск только 11 июня (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 61. Л. 182).

<sup>69</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 94. Л. 375, 376.

<sup>70</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 198 об.–199.

<sup>71</sup> В этот день в обер-бергамте было получено доношение от Карвацкого о том, что надворный суд требует прибыть его в Тобольск «для отчету с приходными и расходными книгами и з денежною зборною казною и з репортами и подьячими, которые были при мне в канцелярии». – ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 61. Л. 182–182 об.

<sup>72</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 61. Л. 183.

<sup>73</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 96. Л. 105–106.

<sup>74</sup> Там же. Л. 108–112 об.

<sup>75</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 61., Л. 212–212 об.

<sup>76</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 95.

<sup>77</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 194 об.–195.

<sup>78</sup> Всего их было 15 человек. ГАСО. ф. 24. Оп. 1. Д. 61. Л. 312.

<sup>79</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 194 об.–195.

<sup>80</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1637. Л. 86 об.

<sup>81</sup> Волков Л. В., Дьячкова М. П. Судебный комиссар // Государственность России. Словарь-справочник. Кн. 5. ч. 2. М., 2005. С. 365.

<sup>82</sup> ПСЗ. Т. 7. № 5015.